

Данной публикацией мы продолжаем цикл работ, посвященных полоцкой иезуитской коллегии и Полоцкой Академии. Стихи на случай, созданные иезуитами на французском, русском, немецком, итальянском или польском языках в честь российских монархов и их приближенных, позволяют судить о культуре и литературе нашего края на рубеже XVIII–XIX веков, узнать подоплеку его повседневной жизни, увидеть известные политические события в нетривиальном ракурсе. Достаточно лишь пристальнее вчитаться в забытые строки и ощутить дух того времени, когда Полоцк был одновременно важным центром европейской культуры и провинциальным городом Российской империи.

УДК 821.133.1

**ПАНЕГИРИК ПОЛОЦКИХ ИЕЗУИТОВ В ЧЕСТЬ П.Г. ЛАЗАРЕВА И ГРАФА А.И. ИЛЬИНСКОГО:
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ**

канд. филол. наук, доц. Д.А. КОНДАКОВ
(Полоцкий государственный университет)

Анализируется социально-культурный и политический контекст панегирика от 15 января 1800 года, написанного полоцкими иезуитами в честь инспекторов от Сената Петра Гавриловича Лазарева и графа Августа Ивановича (Юзефа Августа) Ильинского. Рассматриваются функции французского языка как средства общественных и культурных контактов, обстоятельства, в которых происходила встреча иезуитов с инспекторами. Стихотворение представлено как обращение к императору Павлу I через его приближенных. В этой связи особое место отводится реконструкции образа российского самодержца, представленного в панегирике. Таким образом, текст выступает как яркое свидетельство «модернизации» культуры Беларуси на рубеже XVIII–XIX веков и способности Общества Иисуса адаптироваться к быстро меняющимся общественно-политическим условиям.

Введение. Короткое правление Павла I стало для Общества Иисуса в России переломным моментом, своего рода «обещанием на рассвете». После неопределенности екатерининской эпохи, когда было необходимо подстраиваться под частые смены политических курсов и фаворитов государыни, теперь орден смог добиться постоянного расположения правящего монарха и прямого контакта с ним. Благодаря активным действиям в Санкт-Петербурге отца Габриеля Грубера [см. различные взгляды на его миссию при дворе: 1, р. 222–277; 2, р. 70–86; 3, с. 421–422; 4, с. 148–151, 229–236] иезуиты удаляют от трона своих противников, получают разрешение открывать новые учебные заведения, в том числе в столице, успешно ходатайствуют о восстановлении Общества в границах Российской империи. Таким образом, орден начинает играть заметную роль в общественной, культурной и политической жизни российского общества.

Проникнуть в высшие сферы власти было трудно, но еще труднее было там удержаться, тем более при таком непредсказуемом правителе, как Павел I. Требовалась не только интенсивная работа по поддержанию однажды созданного положительного образа Общества в глазах монарха и его ближайшего окружения. Существовала также необходимость в экспансивном распространении своего влияния при дворе и в правительственных учреждениях с учетом культурных ориентиров и ожиданий этих кругов. Павловское царствование отличалось чрезвычайным вниманием к образцам классической французской культуры, что делало возможным толерантное отношение к католицизму в православной стране [см. об этом: 5, с. 3–15]. Этот же фактор обуславливал широкое использование французского языка как в сфере частной жизни, так и в государственных делах, как для выражения чувств, так и для обсуждения дипломатических вопросов. Именно на этом языке, изображая жизнь при дворе Павла I, вел свой дневник соперник иезуитов архиепископ Могилевский Станислав Богущ-Сестренцевич [см.: 6–10], а отец Габриель Грубер писал для императора памятную записку о положении иезуитов в России. Российский самодержец просил папу Пия VII о восстановлении ордена в его стране по-французски. Понтифик, положительно отвечая на просьбу, прибегнул «к языку дружбы, который лучше всякого иного отвечает излиянию Сердца Нашего¹» – для него это тоже был французский язык.

¹ «... le même langage de l'amitié qui répond mieux que tout autre à l'effusion de notre cœur». Перевод с французского А.Н. Ковалю [4, с. 509]. Во всех иных случаях перевод мой – Д. К., орфография оригинала в цитатах сохраняется.

Основная часть. Нет нужды более пояснять причины, по которым полочки иезуиты, встречавшие 15 января 1800 года в своих домах тайных советников, сенаторов Петра Гавриловича Лазарева и графа Августа Ивановича (Юзефа Августа) Ильинского, составили традиционный панегирик на французском языке. Поскольку это стихотворение никогда ранее не становилось объектом изучения ни литературоведов, ни историков, а его издание [11] является библиографической редкостью, приведем текст полностью:

Répandons en cris d'allégresse Les sentimens de notre cœur. Chantons dans une douce ivresse, Rien ne manque à notre bonheur.	Чувством радостным мы полны – Кличем громким возвестим. В упоенье сладком скажем: Все для счастья есть у нас!
Est-il un peuple sur la terre, En pourra-t-il être jamais, Mieux réglé pour faire la guerre, Et mieux réglé pour vivre en paix?	Есть ли на земле языки – Да и будут ли когда – Кои б лучше управлялись В делах мира и войны?
La Chicane est réduite en poudre, PAUL, l'anéanti, de la main Dont il a fait gronder la foudre, Sur l'ennemi du genre humain,	ПАВЕЛ Ябеду повергнул Дланью, что метала гром В супостата человек,ов, Прахом по ветру пустил.
Mais il craint qu'elle ne renaisse Pour le malheur des innocens, Et tremble que Thémis ne baisse Sa balance sous les présens.	Но страшится он, что гидра На беду невинных сих Снова голову подымет И Фемиду развратит.
C'est donc à vous deux qu'il s'adresse, Seigneurs, pour parer à ses maux Et pour qu'on maintienne ou redresse L'ordre dans tous nos tribunaux.	Потому желает ПАВЕЛ, Чтобы вы вдвоем смогли Укрепить в судах порядок И избавить нас от бед.
Son génie à qui rien n'échappe, N'a pu négliger vos talens, Et votre droiture qui frappe Les regards les moins clairvoyans.	Все узрит он острым глазом И заметил ваш талант, Прямизну, что поражает Даже самый слабый взгляд.
A peine entrés dans la carrière VOUS y développez l'ardeur, Le zèle et tout le caractère Qui distingue notre Empereur.	Заступив едва на службу, С жаром взялись за труды. Ваши твердость и усердые Императору близки.
Graces au travail sans relache Que Vous vous êtes partagés, Ici, la justice sans tache, Marchera d'un pas dégagé.	От заботы непрерывной, Что делили вы вдвоем, Правосудие в сем крае Вольно будет выступать.
Agréez la reconnoissance Qui nous pénètre à tous le cœur, Et nous fait chanter, en cadence, Rien ne manque à notre bonheur.	Так примите благосклонно Подношение сердец, Что диктует чудну песню: Все для счастья есть у нас!

Связь топики и тематики стихотворения с миссией сенаторов весьма прозрачна. Иезуиты делают акцент на «прямызне», честности (*la droiture*) Лазарева и Ильинского, которых сам Павел I вдохновил на борьбу с «Ябедой» (*la chicane*) и крючкотворством и призвал восстановить и поддержать порядок в судах. В самом деле, именной императорский указ, данный Сенату 6 октября 1799 года, повелевал «избрать и представить <...> кандидатов для объезда и осмотра по всей Империи нашей всего принадлежащего до гражданской части, дав оным кандидатам в предмет 3 пункта: 1) о течении по присутственным местам правосудия; 2) о внутренней полиции; 3) о поборах, лихоимству столь свойственных» [12, с. 800–801]. Высочайше утвержденный доклад Сената от 1 декабря 1799 года закреплял за тайными советниками Лазаревым и графом Ильинским для осмотра Минскую, Волынскую, Подольскую, Киевскую, Литовскую и Белорусскую губернии [12, с. 904–905]. Однако начало осмотра было решено отложить на месяц: в декабре 1799 года по губерниям осуществлялся рекрутский набор, и совмещение двух дел могло чрезвычайно обременить местные администрации.

Судопроизводство в России конца XVIII века было большим вопросом, волновавшим и власть, и рядовых подданных, становившимся предметом изображения и обсуждения в литературе. Достаточно вспомнить комедию В.В. Капниста «Ябеда» и ее противоречивую оценку со стороны императора. Пьеса была поставлена в августе 1798 года, в течение месяца шла с шумным успехом, но вскоре запрещена Павлом I к показу. Тираж ее издания также по высочайшему распоряжению был изъят, а автор... через

год получил должность директора императорских театров Петербурга [см.: 13, с. 25]. В стихотворении иезуитов нет прямых переключек с этой комедией, но показательно совпадение в характеристиках героев. Так, главный персонаж комедии Капниста именуется Прямыковым, а основной добродетелью П.Г. Лазарева и графа А.И. Ильинского, привлекавшей самодержца, иезуиты называют, как мы помним, *la droiture*. Это французское слово эквивалентно русской вокабуле XVIII века «прямызна», которая обозначает в переносном смысле порядочность, честность, а в первом своем значении – прямоту, прямолинейность.

Мы еще вернемся к поэтике образов инспекторов от Сената, а также самого императора. Сейчас же необходимо подчеркнуть, что в Белорусской губернии проблемы, связанные с исполнением законов и надзором за ними, носили своеобразный характер. К осени 1799 года здесь сложилась кризисная ситуация, вызванная непоследовательными решениями правительства, среди которых смешение статутного (Великого Княжества Литовского) и российского законодательства, притеснение униатов и насаждение православия, переделы земельных владений. Все это наряду с иными обстоятельствами привело к крестьянским волнениям на фоне недоимок и спекуляций хлебом. Поэтому Полоцк должен был видаться важным местом на пути следования сенатской инспекции.

На основании архивных материалов Е.К. Анищенко показывает, что правление губернии заранее знало о приезде сенаторов и активно готовилось к нему, желая показать себя и результаты своих трудов с наилучшей стороны [14, с. 35]. Потерпевшие от беззакония также рассчитывали на правый суд. 15 января 1800 года, то есть в тот самый день посещения П.Г. Лазаревым и графом А.И. Ильинским иезуитских домов, перед сенаторами предстал униатский монах Иосиф Мудрович. Он подал жалобу на своего игумена, отца Самуила Новаковского, который якобы держал крестьян в унижении и нищете и спекулировал хлебом. Поступила также жалоба на казенную палату от витебского купца Лейба Янкелевича [14, с. 19]. Неизвестно, какое развитие получили эти ходатайства. Замечательно их совпадение во времени со стихотворением, которое могло бы служить либо печатным сторонним свидетельством инспекторских благодеяний, либо их невольным предзнаменованием.

Сами иезуиты общались с сенаторами не только в соответствии с этикетом, исполняя публично панегирик. Предположительно можно утверждать, что в тот же день, 15 января, состоялась другая, закрытая встреча. Отец Розавен в своей «Истории иезуитов в России» умалчивает о прибытии инспекторов от Сената в Полоцк, однако отмечает: «16 числа января месяца 1800 года отец Грубер... отправился в Петербург. Там ему в скором времени сообщили, что его памятная записка не была забыта Его Величеством...» [1, р. 256]. Очевидно, сенаторы привезли важнейшую новость, потребовавшую немедленной реакции: император благосклонно прочитал доклад отца Габриеля Грубера, представленный весной 1799 года, и намерен поддержать Общество Иисуса в борьбе за его восстановление.

Соединение этих двух разрозненных фактов может показаться натянутым, только если не знать ничего о самих инспекторах. Почему именно они были избраны для осмотра Белорусской губернии? В отношении Петра Гавриловича Лазарева (1744–1800) дать ответ несколько затруднительно. Отец прославленного первооткрывателя Антарктиды адмирала М.П. Лазарева не был никоим образом связан ни с иезуитами, ни с белорусским краем. Занимая в екатерининские времена посты председателя гражданской палаты Тверской губернии и председателя наместничества Владимирской губернии, он возвысился лишь с воцарением Павла I. 19 декабря 1796 года П.Г. Лазарев получил чин тайного советника и был назначен сенатором, поэтому строка «Заступив едва на службу» («A peine entrés dans la carrière») по отношению к нему, как, впрочем, и к его спутнику, звучит чересчур льстиво.

Граф Август Иванович Ильинский – гораздо более значимая и интересная фигура. Этот бывший подданный Речи Посполитой также сделал стремительную карьеру в царствование Павла Петровича. По слухам, Ильинский еще в правление Екатерины II погасил крупные долги цесаревича. Затем он активно играл роль посредника между новым императором, повстанцами 1794 года и Тадеушем Костюшко, которого вместе с соратниками якобы склонил к даче присяги Павлу I. Награды не заставили себя долго ждать: вначале Ильинский был произведен в кавалеры ордена св. Александра Невского, затем 18 октября 1797 года возведен в графское достоинство Российской империи с присвоением чина тайного советника и сенатора. Наконец Ильинский был посвящен в рыцари Мальтийского ордена и получил степень командора и великого судьи, в 1799 году его графское достоинство было утверждено австрийским императором [15, р. 151–153]. Все эти милости свидетельствуют об особом расположении и доверии российского самодержца. Таким образом, Ильинский мог быть важен для иезуитов одновременно как единоведец, соплеменник и проводник в высшие сферы власти. Но если о значимости его польского происхождения в данном контексте мы можем только догадываться с большей или меньшей степенью вероятности, то его связь с императором четко маркирована лингвистически: хвала Ильинскому воспевается на языке российского двора времен Павла – французском.

Стихотворение иезуитов – первое известное нам свидетельство контактов ордена с этим государственным деятелем. В том, что они сложились раньше, нет сомнений. Из контекста письма, направленного 9 февраля 1800 года архиепископом Могилевским С. Богушем-Сестренцевичем ректору витебского

коллегиума, следует, что в ходе инспекции графом Ильинским были запланированы визиты в другие крупные дома иезуитов (помимо Полоцка, это Витебск, Орша и Могилев) [10, р. 351]. Такое внимание не может быть случайным. И в дальнейшем сенатор будет открыто помогать ордену: в 1804 году он построит в своем имении Романово на Волыни костел, который будет в 1808 году передан Обществу Иисуса, там же возникнет приходская школа под управлением сынов Лойолы.

Сближение графа Ильинского и преподобных отцов, помимо скрытых от нас политических мотивов, имело явственную религиозную подоплеку. В своих мемуарах о набожности сенатора и его тесных связях с Обществом Иисуса, но уже в годы правления Александра I, свидетельствовал граф Е.Ф. Комаровский, вполне беспристрастный и точный наблюдатель, отмечавший между прочим, что «во всем у графа Ильинского видны были роскошь и тщеславие подле скупости и нищеты» [16, с. 128]. Как внешний блеск скрывал низменные черты, так и за религиозностью у Ильинского стояла склонность к мистицизму, оккультизму и тайному знанию, на борьбу с которыми подымались иезуиты. Архивные материалы следственного дела о графе Тадеуше Грабянке позволяют современным историкам утверждать, что граф Ильинский принимал в Романове представителей «Народа Божьего» и был инициатором приглашения в Петербург главы «Авиньонского общества» [17, с. 99–108]. Сочетание несочетаемых религиозных устремлений, одновременный интерес к ортодоксальному христианству и мистическим учениям – явление весьма распространенное в высшем российском обществе рубежа XVIII–XIX веков. Для нас было важно воссоздать хотя бы вчерне психологический портрет высокого покровителя иезуитов павловской поры, дабы восстановить тот сложный культурный и социальный фон, на котором разворачивались описываемые события. Тем более что личностные качества адресатов иезуитского панегирика в полном соответствии с канонами окказиональной поэзии явлены в условных формулах и, как уже было отмечено, в несколько гипертрофированном виде. Иное дело – облик императора Павла I. Фактически стихотворение обращено к императору, а визит сенатской инспекции становится лишь поводом восславить самодержца и обратить на себя его внимание. Сам по себе риторический прием не нов и вполне привычен для поэзии белорусских иезуитов. Также до этого, в 1789 году, они писали в стихах о воинских подвигах князя Потемкина, восхваляя Екатерину II, а затем, по случаю открытия Академии в Полоцке, адресовались к белорусскому генерал-губернатору герцогу Александру Вюртембергскому, чтобы напомнить о своих верноподданных чувствах Александру I [см. о последнем случае: 18].

Обращаясь к Павлу I через его приближенных, иезуиты тщательно подбирают формы поэтического высказывания. В своих панегириках на восшествие царя на престол в 1797 году они дважды сравнивали его с Титом, подчеркивая милосердие, благородство и щедрость первых деяний нового правителя. Так в одном из мадригалов, вошедшем в многоязычный подносной сборник стихов, показывается превосходство российского правителя над прославленным римским императором:

De Paul avec Titus faisant le paralele,
On voit, il est vrai, que chacun
Des bons Princes est le modele.
Mais entr'eux tout n'est pas commun,
Et l'on y trouve bien à dire.
Le Romain chaque jour fait du bien à quelqu'un,
Le Russe en fait à tout l'Empire [19, р. 60].

Меж Павлом и Титом проводя сравненье,
Мы видим истинно, что каждый государь
Собой являет совершенный образец.
Однако ж не полно их сходство,
И можно многое о том сказать.
Ведь Римлянин творил добро день каждый для кого-то,
А Россиянин благо всей Империи творит.

Теперь же, в 1800 году, обстоятельства обязывают подобрать иной образец для сравнения. Прямо он не назван и может быть восстановлен только по контексту. Важно отметить, что автор стихотворения дважды подчеркивает не мирные дела российского самодержца, а его воинские доблести. Так, во второй строфе панегирика косвенно восславляется внешняя политика государя: «*Est-il un peuple sur la terre, / ... Mieux réglé pour faire la guerre*» («Есть ли на земле языки... / *Кои б лучше управлялись / В делах мира и войны*»). Курсив наш – Д. К.). А уже в следующей строфе прямо говорится о его доблести воителя и военачальника:

La Chicane est réduite en poudre,
PAUL l'anéanti, de la main
Dont il a fait gronder la foudre,
Sur l'ennemi du genre humain [11, р. 3].

ПАВЕЛ Ябеду повергнул
Дланью, что метала гром
В супостата человеков,
Прахом по ветру пустил.

Здесь Павел представлен, подобно его матери, как бог-воитель, Марс, сражающийся не только с персонифицированным пороком, Ябедой, но также с неким «супостатом человеков», дословно – «врагом рода человеческого» («l'ennemi du genre humain»). Этот образ поддается двойной интерпретации. В контексте общекультурном и религиозном его можно принимать за воплощенное зло, а политическая конкретика подсказывает точное имя – республиканская Франция, поправшая христианство, потерпевшая серьезные поражения в битвах с войсками А.В. Суворова в Италии и Швейцарии в 1799 году. Выбрать ни один из вариантов прочтения мы не можем – слишком расплывчатым представляется рассматриваемый образ. Важно, однако, заметить, что боевая доблесть в христианском ореоле и вкупе с другими спе-

циально выделенными качествами – задором, усердием, твердым характером («...l'ardeur, / Le zèle et tout le caractère / Qui distingue notre Empereur») – существенно дополняют облик Павла-Марса. Он приобретает подобие с «рыцарем во Христе», воином, сражающимся за торжество веры. Именно таким видели российского самодержца некоторые его современники, эти же черты особо выделяются как чрезвычайно важные для понимания фигуры Павла I в работах современных историков [см.: 20, с. 78–112; 21; 22, с. 7–119]. Чрезвычайно смелым будет утверждение, что полоцкие иезуиты могли умышленно примеряться к этому культурному идеалу. Но можно смело предположить, что достаточно близкое общение отца Габриеля Грубера с императором и его ближайшим окружением помогло им понять, какие качества своего характера и какие стороны своей деятельности правитель хочет видеть изображенными и считать узнаваемыми.

Не менее важными, чем военные подвиги, должны были представляться «мирные дела» Павла I, в частности упорядочение судебной системы, о чем уже писалось выше. Именно защищенность от внешних угроз и спокойствие внутри государства создают то благостное ощущение, которое рефреном звучит в первой и последней строфе стихотворения: «Все для счастья есть у нас» («Rien ne manque à notre bonheur»). По большому счету, перед нами те же риторические приемы и идеологические установки, что работали в стихотворениях екатерининских времен, и что будут повторены в 1814 году после победы Александра I над Наполеоном. И все же режим наибольшего благоприятствования, в котором жили иезуиты в правление Павла I, существенно отличался от предшествующего и последующего царствования, когда благорасположение двора соседствовало с подозрительностью, а милости и дозволения ограничивали деятельность ордена белорусскими провинциями. В 1799–1800 годах ситуация позволяет преподобным отцам дважды повторить смелое и категорическое восклицание: «Все для счастья есть у нас». Любопытно, что благоприятные изменения ощущали не только иезуиты, смело говорившие от лица всех местных жителей. Мало обязанный Обществу Иисуса князь Адам Чарторыйский замечал в своих мемуарах: «В особенности жители польских провинций смогли почувствовать эту перемену, и царствование Павла еще до сих пор в наших местах называют временем, когда злоупотребления, несправедливости, притеснения в мелочах, неизбежно сопровождающие любое чужеземное владычество, чувствовались слабее всего» [23, р. 134]. В данном контексте пышная риторическая формула иезуитского панегирика приобретает реальное звучание, хотя, как мы уже замечали, не у всех жителей Белорусской губернии имелись основания быть столь довольными своим положением.

Заключение. Панегирик в честь Петра Гавриловича Лазарева и графа Августа Ивановича Ильинского не отнесешь к шедеврам франкоязычной окказиональной поэзии XVIII века, в художественном плане он уступает даже произведениям самих иезуитов александровской эпохи. Тем не менее это стихотворение высвечивает те аспекты деятельности Общества Иисуса, которые обычно скрыты за его просветительством и миссионерством. Панегирик 1800 года свидетельствует об одном из этапов «модернизации» культуры Беларуси. Добиваясь расположения монарха и его приближенных, белорусские иезуиты принимали непривычные для них и их местного окружения модели социального поведения, встраивались в систему отношений внутри правящих элит Российской империи, осваивали язык придворной культуры. Помимо тех очевидных выгод, которые обеспечивались этой адаптационной деятельностью, Общество Иисуса способствовало проникновению на белорусские земли новых для них форм культуры и социальных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. [Lesseigues de Rozaven, J.-L.] Les jésuites de Russie / [J.-L. Lesseigues de Rozaven] // Archives jésuites à Vanves, Bibliothèque slave, Fonds Gagarine, carton 5-I.
2. Le P. Stanislas Zalenski de la Compagnie de Jésus. Les Jésuites de la Russie Blanche. T. 2 / le P. S. Zalenski; traduit du polonais par le P. Alexandre Vivier de la même Compagnie. – Paris: Letouzey et Ané, [1886]. – 492 p.
3. Шильдер, Н.К. Император Павел I / Н.К. Шильдер. – СПб.: А.С. Суворин, 1901. – 607 с.
4. Инглот, М. Общество Иисуса в Российской Империи (1772–1820 гг.) и его роль в повсеместном становлении Ордена во всем мире / М. Инглот. – М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. – 632 с.
5. Гречаная, Е.П. Литературное взаимодействие России и Франции в религиозном контексте эпохи (1797–1825) / Е.П. Гречаная. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – 320 с.
6. Journal et correspondance de Stanislas Siestrzencewicz-Bohusz, premier archevêque-métropolitain de toutes les églises catholiques en Russie. Première partie. 1797–1798 // Старина и новизна. – 1913. – Кн. 16. – С. III–157.
7. Journal et correspondance de Stanislas Siestrzencewicz-Bohusz, premier archevêque-métropolitain de toutes les églises catholiques en Russie. Deuxième partie. 1797–1798 // Старина и новизна. – 1914. – Кн. 18. – С. 158–237.
8. Journal et correspondance de Stanislas Siestrzencewicz-Bohusz, premier archevêque-métropolitain de toutes les églises catholiques en Russie. Troisième partie. 1799–1800 // Старина и новизна. – 1915. – Кн. 19. – С. 277–301.

9. Journal et correspondance de Stanislas Siestrzencewicz-Bohusz, premier archevêque-métropolitain de toutes les églises catholiques en Russie. Quatrième partie. 1799–1800 // Старина и новизна. – 1916. – Кн. 21. – С. 233–321.
10. Journal et correspondance de Stanislas Siestrzencewicz-Bohusz, premier archevêque-métropolitain de toutes les églises catholiques en Russie. Cinquième partie. 1800 // Старина и новизна. – 1917. – Кн. 22. – С. 319–398.
11. Vers chantés devant Leurs Excellences Messieurs Pierre Lazarew et le comte Auguste Ilinski sénateurs conseillers privés etc. à l'occasion de leur venue au Collège de la Compagnie de Jesus durant le cours de leur visite des gouvernemens. le 15. Janv. 1800 a Polock. – S. l. [Polock], 1800. – 4 p.
12. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание первое. Т. XXV. 1798–1799; сост. М.М. Сперанский. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 932 с.
13. Лаппо-Данилевский, К.Ю. Капнист Василий Васильевич / К.Ю. Лаппо-Данилевский, Г.Н. Моисеева // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. К–П; отв. ред. А.М. Панченко. – СПб.: Наука, 1999. – С. 21–28.
14. Анищенко, Е.К. Евреи Белорусской губернии: исторический очерк и документы / Е.К. Анищенко. – Минск: Пейто, 2002. – 200 с.
15. Pachonński, J. Iliński Józef August / J. Pachonński // Polski słownik biograficzny. Т. I–... Wrocław; Warszawa; Kraków: PAU; PAN, 1935–... – Т. X/1: Horoch-Ilowski. – 1962. – Р. 151–153.
16. Комаровский, Е.Ф. Записки графа Е.Ф. Комаровского / Е.Ф. Комаровский. – М.: Внештогиздат. Товарищество русских художников, 1990. – 172 с.
17. Кондаков, Ю.Е. Розенкрейцеры, мартинисты и «внутренние христиане» в России конца XVIII – первой четверти XIX века / Ю.Е. Кондаков. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. – 499 с.
18. Кондаков, Д.А. Античные и христианские символы и политические мифы в одах и дифирамбах полоцких иезуитов в честь Александра I / Д.А. Кондаков // Изв. РАН. Серия литературы и языка. – 2012. – Т. 71, № 6. – С. 53–58.
19. Augustissimo ac potentissimo Paulo I. imperatori totius Rossiae adnexorumque regnorum, principatuum supremo principi ac autocratori haereditarii imperii fasces felicissimis auspiciis capessenti, in ipsoque dominatus limine auos subditos fortunatos reddenti superstes in Alba Russia Soceitas Jesu suo clementissimo conservatori hoc carmen gratissimi animi indicium D.D.D. – [Polociae]: In privilegiata a Sua Imperatoria Maestrate Typographia Polocensi Collegii S.J., 1797. – 105 p.
20. Эйдельман, Н.Я. Грань веков / Н.Я. Эйдельман. – М.: Вагриус, 2004. – 462 с.
21. Соловьев, Ю.П. Рыцарство и юродство. К поэтике образа императора Павла Первого / Ю.П. Соловьев // Одиссей: Человек в истории. 2005: Время и пространство праздника; Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Наука, 2005. – С. 262–282.
22. Россомехин, А.А. Вызов императора Павла, или Первый миф XIX столетия / А.А. Россомехин, Д.Г. Хрусталева. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. – 256 с.
23. Mémoires du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'empereur Alexandre Ier. Préface de Ch. de Mazade. Т. I. – Paris: Plon, Nourrit et Cie, 1887. – 442 p.

Поступила 02.04.2014

POLOTSK JESUITS' PANEGYRIC IN HONOUR OF P.G. LAZAREV AND THE COUNT A.I. ILINSKI: SOCIAL, CULTURAL, AND POLITICAL CONTEXTS

D. KANDAKOU

The article gives the analysis of the panegyric by Polotsk Jesuits dated January 15, 1800 in honour of Senate inspectors Petr Gavrilovitch Lazarev and the count Avgust Ivanovitch (Józef August) Ilinski in social, cultural, and political frameworks. It inquires into the functions of the French language as a means of social and cultural interactions, and into the situation in which the ceremonial reception of the inspectors took place. The poem is addressed in part to Paul I while the ceremony seems to be just a pretext for praising the Emperor. For this reason, the Russian sovereign's image, as presented in the panegyric, is carefully reconstructed. As a result, the poem appears to be a striking illustration of the "modernization" process in Belarus at the turn of 18th-19th centuries, and of the Society of Jesus ability to adapt itself to changing social and political contexts.